

Ἑρμηνεία

Журнал философских переводов

№1 (4) 2012

Главный редактор *Олег Матвейчев*

Дизайн и верстка *Сергей Зиновьев*

Корректор *Елена Макеева*

Содержание

Г. Шерер. Бытие и Бог. <i>Перевод Э. Сагетдинова</i>	3
Б. Р. Зухла. О концепции любви Дионисия Ареопагита. <i>Перевод Э. Сагетдинова</i>	17
П. Осборн. Маркс и философия времени. <i>Перевод А. Фомина</i>	35
М. Хайдеггер. Отзвук. <i>Перевод Э. Сагетдинова</i>	52
Ю. Лоссау. Пространство значения. Поворот к пространству, культурный поворот и культурная география. <i>Перевод Е. Звоновой</i>	99

БЫТИЕ И БОГ

ГЕОРГ ШЕРЕР

*Scherer G. Sein und Gott // Philotheos. International
Journal for Philosophy and Theology. No. 1. 2001. P. 43–53. —
Перевод с немецкого Эльфура Сагетдинова*

УТРАТА БЕЗУСЛОВНОГО

Нашу современность, в которой мы живем, часто наряду с целым рядом социологических определений определяют как постметафизическую эпоху. Это эпоха господства научно-технической рациональности. Даже если эта интерпретация нашего времени является односторонней, нельзя не признать, что в высоко индустриализированном обществе существуют мощные тенденции в этом направлении. Одной из таких тенденций является утрата *безусловного* в общественности, а также в личном способе существования. Безусловное имеет свое значение при всех обстоятельствах. Безусловное таково не потому, что оно может стать независимым от определенных условий, а потому, что оно в любом случае есть таковое. Такая безусловность соответствует основополагающим моральным принципам, к примеру категорическому императиву в кантовском смысле. Безусловное выступает также через потребность людей в смысле и счастье, так как существует некоторая надежда на состояние человека и состояние его связей в мире, которое ни через что другое не может быть поставлено под вопрос. Ожидание, направленное на это состояние, относится к абсолютному будущему, в отличие от многих внутренне-исторических сбывающихся будущностей, которые еще предстоят человеку или человечеству.

Слово «абсолютное» выступает как родственное слову «безусловное». Но при этом мы не должны их полностью отождествлять. Можно сказать: в безусловном нас, людей, касается дыхание абсолютного. Это есть ускользающее от всякой отно-

сительности, от всего того, что не есть оно само, обособленное, чисто существующее само по себе. В безусловном же человек проявляется как стоящий в отношении к абсолютному. Где мы всегда узнаем требование безусловного, там как бы кладет на нас свою руку *Абсолют*, Бог. В безусловном нас достигает Его требование, но также Его обетование, подающее надежду. В безусловном человек испытывает свою призванность к Богу. В ней коренится его человеческое достоинство, которое само таким образом становится безусловным. Если вера в Бога все более и более теряется и человеческий разум прекращает осознавать свое отношение к Нему (Богу), то безусловное теряет почву в жизненном мире. Образы, в которых безусловное проявляется, в таком случае на глазах бледнеют. Так безусловное нравственного долженствования (долга) выпадает из поля зрения. В итоге моральные требования вообще теряют свое значение. Теряется надежда на соучастие людей в этом абсолютном смысле. Ничто больше не признается безусловным, и ничто уже не являет себя безусловно любимым. Человек оказывается неспособным к обязывающим связям и предоставляется произвольности жизни. Там, где это все теряет значение, формирующее человеческое существование, человек испытывает свою экзистенцию как кто-то, находящийся во власти неизбывной пустоты и безразличия. Из такой экзистенции безусловное может возвращаться (в жизнь) в извращенной форме. Безусловная, безосновательная ненависть наполняет человека так, что воля к уничтожению становится побуждающей силой его действий. В этих обстоятельствах идет потеря смысла безусловного достоинства каждого отдельного человека. Это достоинство можно поддержать лишь доводами разума, если человек видит свое отношение к безусловному Богу проясненным в безусловном.

В этой ситуации нет ничего важнее, как по-новому раскрыть данное отношение. К этому ведут много путей. Один принадлежит философской теологии — ведет от бытия к Богу. Он будет представлен здесь кратко. При этом в центре аргументации должен стоять главный вопрос о смысле, а этот вопрос сегодня угнетает многих людей.

НЕОБХОДИМОСТЬ МЕТАФИЗИКИ

Уже в цитированном тезисе о постметафизической эпохе стало видно, что человек в сердцевине своего бытия определен необходимостью вопроса о Целом действительности. Человек стремится к нему (Целому) тем, что выходит за все области действительности, все отдельные предметы и события. Он ведет свою жизнь в горизонте всеобщей действительности, которая включает в себя все. Это положение вещей связано с тем, что ника-

кая биогенетическая программа не устанавливает его на соответствующий образ жизни. Он приходит к себе самому, скорее всего, в раскрытии своих возможностей и в нахождении смысла существования. Тем самым он относится к себе самому. В это отношение всегда входит и определенное понимание действительности. Это можно пояснить на некоторых примерах.

Человек объясняет, к примеру, что он живет в хороших отношениях с другим человеком. Для обоих совместная жизнь оценивается как существенное осуществление смысла. В этом каждый признает другого дружественным, а взаимные отношения также как положительные. Тем самым дано согласие на собственное бытие их обоих. Оба в своем взаимном настоящем бытии друг для друга суть отдельные, партикулярные (сепаратные) действительности. Но тем, что они живут в их отношениях, они также и выходят из них и себя. Это становится ясным, если в рассмотрении своих отношений они вынесут суждение: жить можно хорошо, жизнь «окупает себя», несмотря на все, что кажется противоречивым этому. Тем, что они так говорят, они выходят на одно все Отдельное Преодолевающее и одновременно в себе Закрывающее. В этом суждении они так просто говорят о Целом. Это происходит не всегда в полностью осознанной рефлексии. Но это ведь отвечает расположенности этих людей так говорить. Они существуют в Целом действительности как дома тем, что живут в этих отношениях.

Другой человек испытывал, в отличие от вышеупомянутых, в своей жизни много абсурдностей: разорванные отношения, несправедливое отношение начальника, болезни, исторические катастрофы, которые происходят во время его жизни. Он приходит к заключению, что брошен в мир произвола, насилия, ненависти и бессмысленности случайностей. Таким образом, он приходит к целой позиции относительно Целого действительности. Вместе с тем ясно: факт необходимости вступить в отношения с Целым существует независимо от позитивной или негативной интерпретации этого Целого. Мы во всех случаях имели с ним дело. Хотя и существуют отдельные опыты, которые этому человеку позволяют прийти к своему суждению о Целом, этот тезис он возводит до всеобщей действительности.

В обоих названных случаях происходит обращение внимания к тотальности Действительного, еще до всякой философии в повседневном жизненном мире на основе опыта, совершившегося в мире. Вдобавок также и на почве философии само это обращение оказывается необходимым. Это имеет силу даже там, где какая-либо метафизическая теория Целого отвергается. Давайте проясним это с другой стороны на нескольких примерах: мы обращаемся сначала к некоему скептику. Он убежден, что людям невозможно истинное познание, во всяком случае невозможен взгляд на вопросы, которые относятся к Целому действительно-

сти. Но этот его тезис сам отсылается на совокупную действительность. Он (тезис) даже объясняет, что человек и мир стали чуждыми друг другу, так что мы не знаем, где мы в нем и где мы с ним. И когда кто-то разъясняет, что человеческое мышление и действие нельзя вывести из ничего другого, как из конечности по сравнению с трансцендентным, потому что иначе человек потерял бы себя в недоказуемой фантазии, то он говорит о всеобщей действительности. Это также имеет силу и для позитивиста. Он объясняет, что предметное поле человеческого исследования должно ограничиваться эмпирическим данным, так как все, что выходит за рамки этого, ведет к неудержимой спекуляции. Тем самым говорится, что есть всё, а именно накопление фактов, названных позитивными.

Таким образом, мы видим: отношение к Целому действительности для человека неизбежно, неуклонно. Где он полагает, что может его избежать, там он больше втягивается в него. Следует подчеркнуть: в этом отношении к Целому действительности речь идет (тогда, когда человек спрашивает об общих связях) о самом этом отношении. Он желает понять, кто он сам в этом Целом, какое положение ему в нем определено и какие возможности при этом открыты, возможности наполнить смыслом свою экзистенцию. Так, смысл и Целое действительности нераздельно принадлежат друг другу. Где в человеке встает вопрос о смысле, уже там, где он всего лишь подходит с желанием понять смысл вещей, необходимо вступает в игру Целое. Не желать видеть этого — значит затемнять и вытеснять одну из самых изначальных данностей человеческого существования.

Тем самым находит выражение то, что здесь становится понятным как метафизическая конституция людей. Для людей необходимо, чтобы осуществилось отношение к Целому действительности, точка зрения, через которую человек ищет самопонимания, ставя себя в отношение к этому Целому. Это относится и к тому, когда Кант говорил о метафизической природе человека. Но при этом следует осмыслить: как человек может стать самим собой в своем отношении к Целому действительности. То же имеет силу и для обратного: это Целое не может быть понято без знания о том, почему человек имеет место в этом Целом, так как в нем (человеке) это Целое становится вопросом, интерпретируется и дискутируется. Без человека оно (Целое) лишь только налично, не понято, во всяком случае если и понято, то не через сущность, которая сама существует в Целом наряду со многими другими, которые ничего о нем (Целом) не знают.

Открытость человека для всеобщей действительности сама еще не задает никакой определенной метафизики. Более того, она принадлежит всякой метафизической теории как ее априорное условие. Это есть основа, на которой эта теория устанавливается. То, что это метафизическое ядро имеет место в человеке,

означает сегодня воспоминание о прикром и забытом основном феномене нашего существования и должно поэтому стать понятным как акт объяснения. Следует указать на то, что метафизическое напряжение основания, определяющее любого человека, также находит выход в мире, высшей религии и искусстве. Отсюда метафизическая природа человека выходит за рамки философии. Следует также обдумать то, что представленное здесь понятие метафизики, которое указывает на основную априорную характеристику по отношению к отдельной метафизике, также понимает такие философские теории, как метафизические, которые рассматривают самих себя как враждебные метафизике или как послеметафизические. Это имеет отношение, к примеру, к материализму в его различных версиях, утилитаризму, редукционизму, позитивизму и тем более к мышлению Хайдеггера.

БЫТИЕ ВО МНОЖЕСТВЕННОСТИ СВОИХ ЗНАЧЕНИЙ

Соображения, которые приведены выше, не ведут еще к философскому вопрошанию о Боге. Они только показывают человека как существо, с необходимостью открытое для всеобщей действительности. Правда, тем самым устранен первый широко распространенный предрассудок, согласно которому философское вопрошание о Боге уже потому исчерпано для нас сегодняшних, что он явасуть метафизический. Могут ли быть сделаны на метафизическом пути разумные высказывания о Боге, из этого, конечно, никоим образом не решено. В этом отношении здесь должно указать один возможный путь.

Исходный пункт есть бытие. Начиная с Парменида это считается как философское слово о Целом действительности. В течение истории философии бытие стало, конечно, центральным пунктом споров, не оконченных до сегодняшнего дня. Это действительно так, несмотря на то что мы все всегда уже знаем о бытии. Когда мы спрашиваем, мы спрашиваем о чем-то, что и как оно есть. Мы постоянно утверждаем, что нечто существует, что или как оно есть. Мы движемся думая, говоря и действуя в бытии как в изначально доверительной местности. Поэтому такие метафизики, как Авиценна и Фома Аквинский, считали бытие всеизвестнейшим понятием. И все-таки бытие тем не менее ускользает от нас. Если мы объясняем, что это слово означает, мы оказываемся в затруднении. При этом вопрос о бытии сам движется на почве бытия. Так как когда мы спрашиваем, что оно (бытие) есть, мы заранее предполагаем наше [скрытое] неразвернутое знание о бытии. В нем (знании) показывается неоставляемость-позади-нас бытия. Мы не можем перейти через него или оставить его за собой и предполагаем его в каждом шаге мышления уже заранее.

Это всем известнейшее есть, очевидно, просто всеохватывающее. Мы хотим сделать для себя это фундаментальное положение вещей немного более схватываемым (понятым). Предметы, события, а также люди, которых мы встречаем в мире, отличны друг от друга в различном отношении. Исходя из этих различий, мы определяем все в своем своеобразии. Нечто есть оно само, между тем что оно есть другое, как все другие. Каждое сущее в мире есть для всех других некое другое, и для него все другие. Но они не могут быть только различными. С другой стороны, каждое должно приходиться другим чем-то общим. Если этого нет, то мы не можем сравнивать различные сущие совсем, так как для этого отсутствуют рамки отношения. Различное вспыхивает в своей инаковости на фоне этого общего. Это есть бытие. Все различия, сравнения, соотношения, анализ и синтез осуществляются в нем (бытии). В нем сущие противопоставляются друг другу тем, что они одновременно есть они сами. Но бытию ничего нельзя противопоставить. Все, что есть, имеет в нем часть (участвует в нем). Лишь одно выпадает из его всеохватывающего горизонта: это Ничто, не-сущее. Но оно есть ничто, так что ничего нельзя и сказать о нем. Наш разум не находит в нем никакого содержания. Так как оно не есть, оно не может противостоять бытию. Только одно можно о нем высказать: оно не есть. Только бытие существует и то, что имеет в нем часть, сущее. Вне бытия и сущего ничего нет. Но такого «вне» и не существует.

В чем должно искать основу для того обстоятельства, что бытие всем известно и, однако, трудно постижимо? Ответ гласит: бытие *сверхпредметно*. Мы представим себе это на примере дерева. Оно обладает корнем, стволом, ветвями, листьями и имеет определенный цвет, стоит на своем месте в пространстве. Оно живет в свое отпущенное время. В это время оно растет, цветет и отцветает. Так, оно обладает частями, свойствами и проходит в своем временном пространстве различные состояния. Мы говорим о нем: вот оно бытийствует в мире, действительно присутствуя, не только будучи возможным. Но эта действительность ни в коем случае не есть еще одно свойство наряду с другими, так как все его части сами действительны. Нельзя сказать, что дерево обладает различными частями с их клетками, генетической информацией, биологическим процессом и энергией, а также еще бытием, — все это действительно есть. Таким образом, мы должны сказать, что бытие дерева как его действительность пронизывает все, что мы на нем заранее найдем, и то, что в нем есть в настоящем. Оно существует здесь, и все, что оно есть, охватывается его действительным существованием. Бытие дерева также не может быть заменено одним из его состояний, так как все эти состояния должны быть охвачены и охватываются изначальным состоянием.

Сказанное теперь действительно не только для дерева, но и для всего сущего. Куда мы ни обращаемся, мы встречаем сущее в необозримой полноте форм и событий. В них всех их бытие охватывает все, что они есть. А это есть по всей вселенной, и не может быть по-другому, и не существует по-другому в жизненном мире человека. Из всего этого следует понятие высшей важности и значительности. Это понятие свидетельствует, что бытие, которое все охватывает, не может быть ничем из того, что оно охватывает: ни отдельным сущим, ни свойством, ни состоянием — ничем иным, что противостоит другому. И если дело обстоит таким образом, то в связи с бытием не может быть речи ни о чем ограниченном. Оно (бытие) скорее безгранично и в этом смысле бесконечно, Единое во всем, поэтому оно не может быть схвачено ни чувственным восприятием, ни изображением, ни представлением, но также и ни разумным понятием. В нашем понимании бытия мы выходим за пределы всего объективированного. И все же мы знаем о нем каким-то образом, который выходит за рамки нормальной данности нашей чувственности, фантазии и рациональности. То, что человек способен к такому сверхпредметному и сверхобъективному знанию, принадлежит к главному достоянию европейской традиции, но подобным же образом также индийской и частично китайской. В сегодняшней научно-технической рациональности, какой бы успешной она ни была и как бы мало мы хотели отказываться от большинства ее продуктов, все же в так называемых рациональных науках, а также в сведении (редукции) Духа к чистой производительности головного мозга полностью выпадает это сверхпредметное измерение нашего Духа.

Таким образом, познание бытия есть дело человека. В этом действии человек отличает бытие от всего сущего. Он осуществляет «онтологическое различение», как оно часто называется Хайдеггером. В нем человек превосходит все сущее. Это трансцендирующее бытия он схватывает на сущем тем, что он его (сущее) одновременно превосходит. В этом корень [существа дела], который позволяет нам увидеть, почему со времени Дунса Скота могло возникнуть недоразумение, что будто бы в случае с бытием речь идет о самом всеобщем и пустейшем понятии. Ведь, казалось бы, акт понимания бытия направлен на пустое, потому что в нем не может быть найдено никаких определенных содержаний. Полагают, что здесь мыслится голое «ничто». Это аргументируют тем, что здесь происходит абстрагирование от всякого определенного отдельного содержания. Однако бытие не становится из-за этого абстрактным понятием, поскольку оно в любом случае охватывает в себе все определенности, потому что все они существуют. При этом бытие нацелено, как мы видели, на действительность абсолютно всего. Благодаря этому не исключено, что имеются еще другие *возможные* формы бы-

тия. Они просто не выделяются из бытия, так как они еще не действительны либо никогда не станут действительными. Возможность онтологически означает: нечто может быть. Во всяком случае в мысли о бытии проявляется нечто совершенно Простое. В ней (мысли) не показывает себя содержательное наличие чего-то особенного, она легко может быть заменена Ничем и спутана с ним. Но это Простое охватывает на самом деле некую неразграничиваемую полноту (богатство). Правда, бытие пребывает, как оно показывает себя основополагающему делу нашего разума (трансценденции), не в себе самом. Оно (бытие) есть Простое и совершенное, которое в себе не имеет источника существования (не субсистировано)¹. Субсистенция означает способность сущего схватить в себе состояние, привести себя к Единству и Целостности и таким образом противопоставить прочим сущим. Эта сила осуществлять собственное бытие, сделать себя «действительным» называется у Фомы Аквинского также актом (действием) бытия. Он есть имманентная в сущем, остающаяся и не распространяющаяся на другое сущее деятельность. Благодаря этому акту экзистенция сущего становится приподнятой над плоскостью голой наличности. Быть в акте (действии) здесь — значит не просто быть тут, а осуществлять само собственное бытие.

Все сущие самостоятельно обосновывают себя (в себе) через акт «дела-действия», совершение акта. Этим словом Фихте обозначил Я, ускользающее от всей голой вещественности. Но дано *аналогичное* осуществление во всех сущих. Правда, самосознание и самоопределение личности представляют собой самую плотную форму² этой действительности (Akthaftigkeit). Одно из самых точных рассмотрений может показать то, что акт бытия сущего (сообщение бытия сущему) сам обязан собой Творцу.

Мысль о бытии, которую человек образует на основе опыта онтологического различения, не может быть источником себя самой. Она только участвует в осуществлении человека, ее (мысль) мыслящего. И все же ей принадлежит существенное антропологическое значение, так как в ней показывает себя человеку Бесконечно-безграничное. Она учит видеть, что *действительность* не открывается ни в эмпирическом схватывании фактов, принадлежащих внутримировым событиям, ни во множестве сущностей и отдельных индивидуальностей. Мысль о бытии выходит за пределы всего этого. Этот взгляд способствует, так сказать, броску назад, на самопонимание человека. Человек опознается как сущность, которая во всей ограниченности в пространстве и времени, краткости своей жизни между рождением и смертью, подверженности страданиям, а также будучи в границах сво-

1. *Фома Аквинский*. Потенция. 1.1.
2. Уплотнение содержания в одном акте.